

ШХ: Я люблю Ломая Рассвет. Трудно выбрать любимую часть, но она может быть моей любимой. Это именно та книга, которую я хотела, и именно такой она чувствовалось необходимой для меня. И я должна сказать, что я люблю эту историю с беременностью и родами, потому что я люблю ужасы. Твои книги – это романтика, но в них также присутствует настоящий, чудесный, скрытый ужас, который отличается от любого вида ужасов, который я читала. И я люблю то, что может сделать ужасом: пролить свет на то, что реально. И ты делаешь его крупнее и более гротескным — именно так ты можешь яснее видеть, насколько гротескно то, что происходит на самом деле. СМ: Я действительно думаю, что иногда я помещаю ужас в необычные места, чтобы ужас существовал, и убираю его оттуда, где ему место, где довольно просто его устроить. Ты знаешь, та сцена рождения действительно была для меня ужасом. Мы живем в такое время, когда родить ребёнка не более опасно, чем сдать кровь. Я имею в виду, это страшно, но маловероятно, что ты умрёшь. Но это нечто новое для этого века. Знаешь, тогда было время, когда роды были, возможно, самой ужасной вещью, которую ты могла совершить в своей жизни, и ты буквально смотрела в лицо смерти, когда шла на это. Так что это было своего рода воспоминанием о том времени, когда через подобное проходила каждая женщина. Не то, чтобы их разрывали на части, но у них не было никаких гарантий относительно того, переживут они это или нет. Знаешь, недавно я прочитала — а я не читаю научную литературу в целом — Становясь Джейн Остин. Это единственная тема, которая заставила меня пойти и прочитать научную литературу. И автор пришла к выводу, что одна из причин, по которой Джейн Остин, возможно, не вышла замуж, когда у неё была такая возможность... ну, она наблюдала, как очень дорогие ей племянницы и подруги умирали при родах! Так что это было похоже на смертный приговор: Ты выходишь замуж, и у тебя будут дети. У тебя появятся дети, и ты умрёшь. [Смеется] Я имею в виду, это был ужасающий мир. И беременность и деторождения Беллы, для меня, стало своего рода способом исследовать эту концепцию того, что такое роды в те времена. Это сделало момент очень специфичным для читателей, которые были заинтересованы в этом, и это отпугнуло некоторых поклонников, которые ожидали чего-то иного. Я осознавала, что это уводит Беллу в новом направлении, которое не было столь приемлемым для многих людей. Я знала, что это будет проблемой для некоторых читателей.

ШХ: Аха. СМ: Мой агент, мой редактор и мой издатель в один голос сказали: «Э-м, а мы можем немного смягчить здесь насилие? Меня от этого немного тошнит». [Смеется] Но я в некотором роде гордилась собой. Я подумала: Я в самом деле написала нечто достаточно жестокое, что это кого-то беспокоит? Я-то эдакая зефирка. Ух ты — ну, ты даёшь, Стефани! [ШХ смеется] И я смягчила эту сцену для них, и сделала её немного менее отвратительной. Хотя кое-что отвратительное я тоже сохранила.

ШХ: Я знаю, ты ненавидишь спойлеры. Ты не хочешь никаких утечек. СМ: Ты знаешь, однако я задавалась вопросом, по поводу последней книги... я задавалась вопросом, был бы более легкий путь для читателей, испытывающих трудности с Ломая Рассветом, если бы они заранее знали больше. Если бы люди спросили меня, «Могут ли вампиры иметь детей от человека?» И вместо того, чтобы сказать: «Я не могу ответить на вопросы о тех сумасшедших вещах, которые могут произойти, а могут и не произойти» — а это то, что я говорила, потому что не хотела, чтобы было слишком очевидно, что это произойдёт; я имею в виду, это просто кажется неправильным — я могла просто сказать «Аха, они могут». Может, им было бы легче, если бы они этого ожидали.

ШХ: Значит, ты знала ещё до того, как Сумерки были опубликованы, что в твоём мире вампир и человек могут иметь ребенка?СМ: О да. В голове я всё это проработала. Мои научные рассуждения работают для меня, но для людей, которые не покупаются на это, я могу лишь согласиться. Это правда. Вампиры не могут иметь детей... потому что вампиров не существует. [Смеется] И вампиры не могут иметь детей от человека, потому что человек на самом деле не может совокупляться с вампиром — потому что вампиров не существует. [ШХ смеется] Это фантастика.

ШХ: Верно. И всё же люди верят этим персонажам, и возможность существования этих вампиров достаточно реальна, чтобы они могли сказать: подождите, это не по правилам.СМ: В некотором смысле лестно, что это настолько реально для них, что они чувствуют, что есть вещи, которые не могут произойти в этой фантастике.

ШХ: Теперь у меня есть занудный девчачий вопрос. Укус Несси на что-нибудь влияет? Это как-то повлияло на Беллу, когда Несси укусила её?СМ: Несси не ядовита.

ШХ: Ты говорила в книге, что Несси не была ядовитой. Я имею в виду, это лишь о пище. [Смеется] Экстремальное выживание. [Смеется] Но я догадывалась, когда Белла так хорошо справилась с переходом, как новенький вампир, я подумала: Интересно, это укус Несси повлиял на неё.СМ: [Смеется] Я даже не думала об этом. Нет, переход Беллы был уникальным среди новеньких вампиров, в том, что она знала, что грядёт. Ни у одного из других Калленов не было никакого предупреждения. Это просто возникла слишком неожиданно, подобная непреодолимая потребность пить кровь — просто без какой-либо подготовки. Ты знаешь, как иногда приходится готовиться к чему-то? Белла приготовилась — она была готова. И не то чтобы для неё всё было легче, чем для других. Она просто уже решила, что это ключ ко всему. Она единственная особа во всей истории Сумеречной вселенной, которая заранее решила стать вампиром «вегетарианцем».

ШХ: Мне понравилось, что Джасперу пришлось тяжело с этим. Его личная борьба показала, что это не было неизбежным.СМ: Знаешь, когда ты действительно привык поддаваться мгновенному удовлетворению, становится всё труднее не поддаваться. Если ты никогда не сдаешься, легче сохранять порядок вещей таким же образом.

ШХ: Я помню, когда ты писала Ломая Рассвет, ты сказала мне, что эта история делает тебя счастливой. Что такого в этой истории, что сделало тебя счастливой?СМ: Ну, это возвращает к тому, о чём мы говорили прежде, об Эдварде. И для меня интересно, что я беспокоюсь о своих персонажах, как о реальных людях. Например, как после того, как я написала Затмение — хотя я точно знала, что должно произойти в Ломая рассвете — пока я в самом деле не дошла до той части, где Джейкоб впервые видит Ренесми, и его жизнь складывается для него, я всё время беспокоилась о нём. И у Эдварда, всё это время, было много счастья — и всё же он не верит, что оно продлится долго. Он чувствует, словно обречён, и это невозможно унять — что с ним произойдёт нечто плохое из-за того, кто он есть. И теперь я, наконец, могла наблюдать за этими изменениями и наблюдать, как он принимает счастье — даже больше, чем Белла. Потому что Белла видит приближающийся конец и вроде как теряет надежду, но он никогда не терял. После того, как он принимает, что он может быть счастливым, он просто цепляется за него. И я правда наслаждалась этим, и я наслаждалась, когда писала конец. Мне нужно было написать все четыре книги, чтобы добраться до последних двух страниц. Лишь чтобы Белла и Эдвард по-настоящему смогли понять друг друга — стоило того, чтобы написать четыре книги.

ШХ: И он действительно совершает это путешествие — даже несмотря на то, что вампиры, как ты сказала, застывают в том моменте, когда они впервые становятся вампирами. Но он так сильно меняется в Ломая Рассвете и так быстро становится отцом. Каково было провести его через это путешествие?СМ: Ты знаешь, всё, что по-правде поменялось, это его мировоззрение — которое, разумеется, меняет всё. Но то, кто он, что он любит, как он всё делает — всё остается прежним. Однако он получил многое, о чём даже не позволял себе думать в качестве желаний. Я имею в виду, то, что у него появится дочь, которую он никогда не представлял — о которой он никогда не смел даже мечтать — было невероятно для него, знаешь ли. И он довольно быстро принял это. Но самое большое чудо для него — это то, что Белла счастлива. Он считал, что разрушит её жизнь, а он сделал её счастливой. И это действительно было для него всем.

<http://tl.rulate.ru/book/52023/1481524>